Annotation

Воспоминания о прожитой жизни, путь самопознания приводят молодую девушку к пониманию, что в ее прошлой жизни кроется страшная, и как казалось – необъяснимая трагедия.

Однако упорство, способность перешагнуть через собственный страх, обрести веру во многие явления, не поддающиеся объяснению с точки зрения науки, помогают ей не только раскрыть тайну трагедии, но и лицом к лицу встретиться с ВРАГОМ.

Андрей Ливадный БАШНЯ

Пролог

Тишина…

Замерзшая река, звездное небо, мороз, хрупкий наст на подтаявших мартовских сугробах, – ломкая корка под копытами коней.

Мы торопились.

Путь вдоль реки опасен: на той стороне серыми угловатыми изломами крепостных стен возвышается *кром* . Так славяне именуют свою цитадель, построенную на возвышенности, у слияния двух рек.

Над кромом разлилось зарево, но это не след пожарища, а отсветы сотен факелов; сторожкая ночная тишина доносит лай собак и возбужденный гомон толпы – весть о поражении ордена уже докатилась и сюда…

Нужно уходить. Немедленно, не мешкая, пока войска князя Александра, после битвы у Вороньего Камня не начали преследование разрозненных групп спасшихся рыцарей.

Трудно дышать. После знойных песков аравийской пустыни иней на доспехах и обжигающий, морозный ночной воздух донимают меня все сильнее, заставляя недобрым словом поминать тот день, когда я, не зная, куда направить свой путь, присоединился к войскам ордена, собиравшимся покорить земли, лежащие на противоположном берегу огромного озера. Теперь все кончено, и сам я лишь чудом избежал ловушки, что устроил новгородский князь Тевтонским и Ливонским рыцарям. Теперь их отягченные доспехами тела навек погребены в свинцовых водах Псковского Моря, под превратившим в кровавую кашу, коварным мартовским льдом.

Сам я никогда не состоял ни в одном ордене, но, примкнув к походу, должен был принимать участие в битве.

Меня спасла сама Судьба, явившаяся в лице Самуэля. Накануне я узнал, что меня разыскивает странствующий рыцарь, и когда услышал его имя, то сначала не поверил своим ушам.

Отчего наследник знатного саксонского рода проделал долгий, опасный путь? Зачем разыскивал меня? Недобрые предчувствия помутили разум, и я спешно направился сюда, еще не ведая, что появление Самуэля спасет меня от общей участи.

Мысль о холодных, тяжелых водах, что могли сомкнуться и над моей головой, неприятным ознобом пробегала по телу.

Пока я размышлял над превратностями судьбы, копыта коней зацокали по обмерзшим, скользким булыжникам.

Вот он – Ивановский монастырь, – сложенный из известкового камня храм в окружении деревянных стен и хозяйственных построек. Дальше виднелись редкие, неурочные огоньки небольшой деревушки, да мрачной стеной темнел дремучий лес.

Не спят. И сюда долетела весть о победе князя Александра.

Нужно уходить. Чуть забрезжит рассвет, и местный люд возьмется за топоры, да вилы, станут вычищать остатки вражьего воинства…

Неудачный поход. Да и бессмысленный. Не было мне дела до земельных притязаний ливонской чуди, да тевтонских магистров. Зря они пришли сюда. Предупреждал ведь князь Александр: *кто к нам с мечом придет от меча и погибнет* . Так и вышло.

Ворота монастыря все еще лежат, снесенные с кованых петель.

Я направил коня к монастырскому двору.

– Санчес, разыщи Самуэля. – Коротко приказал своему оруженосцу. – Он, должно быть, заночевал в деревне. Обойди избы, спроси людей, ты знаешь их язык. Мне не с руки.

– Что передать?

– Скажи, что я жду его. Пусть собирается немедля. Нам нужно уходить до рассвета, днем здесь станет слишком опасно.

Оруженосец исчез во тьме.

Какие вести принес мне Самуэль?

Тяжело на сердце. Гложут его предчувствия.

Мороз под утро все сильнее. Я спешился, снял шлем. Кресты на куполах храма тускло сияют, даже в ночи.

Меч прихватило в ножнах, вышел не сразу, с натугой. Взявшись двумя руками за рукоять, я по привычке вогнал клинок в снег и преклонил колено в молитве.

По доспехам ползли узоры инея. Дыхание вырывалось облачками пара. В такие минуты я невольно вспоминал жаркие пески аравийской пустыни.

По мне лучше жара, чем пробирающий до костей лютый холод.

Прошло без малого пол часа, прежде чем со стороны деревни раздался храп лошадей и цокот копыт.

* * *

Некоторое время, осознавая грозящую опасность, мы молча двигались к лесу. Не до разговора было, Самуэль ехал мрачный, лишь при встрече в

его печальном взгляде промелькнула искорка тепла, он крепко обнял меня и сказал лишь одну фразу:

– Хвала Создателю, Андреас, я все же разыскал тебя.

Мне стало не по себе. Нас с Самуэлем в прошлом году связал поединок, из которого он вышел победителем и вполне мог убить меня, но вместо этого могучий молодой воин протянул руку дружбы, что редко случается на ристалище…

Белоснежное поле, с пучками торчащей из-под снега, пожухлой прошлогодней травы, казалось бесконечным.

У опушки, где начиналась уводящая в чащу дорога, мы на минуту остановились.

Мой оруженосец проехал чуть вперед, чтобы не мешать разговору.

– Ну, теперь опасность почти миновала. – Произнес я, снимая шлем, оставив на голове лишь вязанный шерстяной подшлемник.

Лицо Самуэля оставалось мрачным. Он похудел, нездоровая бледность заливала щеки.

– Искал тебя, сэр Андреас. Не с добрыми вестями искал.

Мое сердце глухо неровно стукнуло.

– Что произошло?

– Наш замок пал. – Тяжело произнес Самуэль. – Город сожжен… Уже три месяца минуло…

Меня словно громом поразило. Ничего подобного я не мог представить даже в тяжелом, кошмарном сне.

– Что с Вильгельминой?! – Вырвалось у меня.

– Сестра пропала. – Тихо ответил Самуэль. – Я не нашел ее, ни среди мертвых, ни среди выживших. – Слова Самуэля глухо, с надрывом входили в мой разум, словно скверно отточенный меч, не рубящий, а лишь разрывающий плоть.

– Кто? – Вопрос вышел из пересохшего горла с надрывным хрипом.

– Йоркшир. Орды пришли оттуда. Не знаю, кто их погнал на город, словно темная сила обрушилась на нас…

Разумом воина я понимал, о чем он говорит. Разумом, но не сердцем. Да, время от времени подобное случалось, – банды, обретающиеся в лесах, иногда объединялись, рискуя нападать на замки, но…

Прочитав в моих глазах немой вопрос, Самуэль ответил на него:

– Нас предали. Ворота оказались открыты. Воины пали от ударов в спину. – Он поднял взгляд. – Андреас ты поможешь мне в поисках сестры? Я ведь знаю, ты хранишь ее образ в своем сердце. Больше мне не с кем разделить это горе…

– Я буду с тобой до конца Самуэль. Не сомневайся. – Мои слова звучали отрывисто, внутри все клокотало. – Мы найдем Вильгельмину. Освободим ее, а ту мразь, что стоит за набегом, четвертуем. Это кто-то свой, из замка…Чужие бы не решились.

– Я знаю. – Глухо ответил Самуэль. – Но по первым следам мне ничего не удалось выяснить. Как будто морок водил меня по кругу, лишая всякой надежды. Потому, отчаявшись, и стал искать тебя…

В этот миг тонко просвистела стрела.

Мой оруженосец вдруг взмахнул руками, замертво падая с коня, стрела пробила его горло, кровь щедро брызнула на снег, на глазах превращая его в бурую, талую кашу.

Средь деревьев мелькнул огонек, снова пропела стрела, но на этот раз она лишь чиркнула по щиту, укрепленному у меня за спиной.

Кони сами рванули с места.

Они чувствовали смерть, что затаилась в лесной чащобе…

* * *

Лишь под вечер наступившего дня, едва живые от усталости, мы остановились недалеко от дороги, ведущей к Ревелю.

– Как это произошло, Самуэль?

Он сидел на пне у костра.

– Все свершилось ночью. – Скупо произнес он. – Кто-то открыл ворота нижнего и верхнего укреплений, перерезав стражу. Орды ворвались в город, и сразу началась бойня. Меня разбудили крики на улице и набат. Успел надеть доспехи, схватить меч, но на пороге замка уже добивали стражу, тех, кто пытался оказать сопротивление. Даже до конюшен не дошел, сразу ввязался в бой. Мой конь сам сорвался с привязи и нашел меня.

– Ты узнал, кто они были? Йоркширцы?

– Сброд. – Гневно ответил Самуэль. – Беглая чернь, что скрывалась по лесам, промышляя разбоем. Но их было много, несколько тысяч, может и больше. До сих пор не могу понять, было чувство, что на город накатилась темная волна какой-то нечисти. Они надругались над всем, к чему прикасались их поганые чресла. Что за сила двигала ими – не знаю. Утром орда рассеялась, растеклась по лесам, будто ее и не было.

– Вильгельмина? Как она исчезла?

– Я не знаю. Никто не видел ее. Кормилицу нашли мертвой на звоннице, – это она била в колокол. Ее подруг убили. Вильгельмина пропала и никто из выживших не видел ее. В комнатах сестры все

перевернуто. – Самуэль полез рукой за пазуху и достал тускло блеснувшую цепь. – Вот что я нашел на полу.

Цепь оказалась разорвана.

– Что Вильгельмина носила на ней?

– У нее был крест. С виду крест, а на самом деле нож. – Хмуро пояснил Самуэль. – Она однажды пришла ко мне со странным чертежом, и попросила, чтоб я сделал заказ кузнецу.

– Крест-нож? – Я был удивлен. – Зачем?

– Не знаю. Она носила его на груди, под платьем, я слышал, как однажды, снимая цепь, она назвала его "Хранителем", и говорила с ним, будто тот был живым существом.

На этот раз я не удивился. Нет ничего странного в одухотворении вещей, что верно служат тебе много лет… Я сам, бывало, разговаривал с собственным мечом. Но к чему клонит Самуэль?

– В спальне, где я нашел порванную цепь, был выбит кусок витража.

В моих глазах застыл немой вопрос, и Самуэль продолжил:

– Ты можешь не поверить, Андреас, но в бою, я несколько раз видел его.

– Хранителя?!

– Да. Он словно возникал из воздуха, вращаясь, разрубая глотки врагов. Он прикрывал мою спину, это так же верно, как… – Самуэль не нашел подходящего сравнения и лишь покачал головой. – Потом я еще несколько раз видел его. Мне казалось, он следует за мной, иногда появляясь, словно призрак. Может, я просто сошел с ума от горя, Андреас?

– А сейчас ты видишь его?

– Нет. Видения прекратились на землях германской Саксонии, по пути сюда.

Я пристально посмотрел в глаза Самуэля и ответил:

– Ты не выглядишь, как больной рассудком. Твой взгляд полон горя, но не безумия.

– Хорошо если так. – Самуэль немного приободрился от моих слов. – Я хочу, чтобы ты вернулся со мной Андреас. Возможно, твое сердце подскажет, где сейчас сестра.

– Да, Самуэль. – Я склонил перед ним голову. – Мы пойдем до конца.

Глава 1. Самуэль

Нить, связующая прошлое и настоящее неосязаема.

Для многих – это история. История цивилизации, помноженная на сумму накопленных человечеством знаний. Первое позволяет нам двигаться вперед, осознавая непрерывность временного потока, второе обеспечивает научно-технический прогресс.

Мы стремительно развиваемся, особенно в последние годы, десятилетия, благодаря сети Интернет стираются некоторые из семантических пропастей, лежавших ранее между отдельными народами и государствами.

Мы становимся ближе и одновременно – отдаляемся друг от друга, открываем новое, и постепенно утрачиваем некоторые из уже не явных, полузабытых древних знаний, подвергаем сомнению здравого смысла события и явления, противоречащие усложняющейся с каждым днем реальности…

Я сидел в глубокой задумчивости. Раньше, всего год назад, жизнь была ясна и понятна. Потом вдруг наступил резкий, болезненный перелом.

Часто ли мы всерьез задумываемся: а что существовало прежде, до нас?

Упрямый материализм долго не давал мне поверить в некоторые явления. Я видел, что с Ланой происходит нечто неадекватное. Год назад она серьезно увлеклась эзотерикой и с этого момента начались необъяснимые (с моей точки зрения) явления.

Ладно, я молчал, когда она начала изучать мистические науки. Потом, примерно пол года спустя, Лана пришла ко мне, принеся странный чертеж. Эскиз ножа. похожего на крест, у которого было четыре лезвия. Она просто попросила сделать такой же, не объясняя причин.

Я согласился. Мне показалась интересной техническая задача.

С этого все и началось, по крайней мере, для меня. Изготавливая нож в виде креста (у которого было три длинных лезвия и одно короткое, похожее на наконечник копья, расположенное сразу за ручкой), я внезапно услышал в своем сознании голос. Сначала голос, а за ним – размытые картины неимоверно далекого прошлого. Они касались меня. Словно внутри ожила дремавшая до поры вторая память, сохранившая некие обрывочные свидетельства "прошлой жизни".

Откровенно, в ту пору мне стало не по себе. Но потом все как-то

наладилось, само собой… я, конечно, не забыл пережитого, но, пытаясь сохранить целостность своего материалистического мировоззрения, постарался абстрагироваться от странных видений, день за днем упорно не замечая происходящего, словно ослеп или закрыл глаза.

Удобная позиция. Но шаткая. Она не держит *конкретных* информационных ударов. Всю жизнь не простоишь «спиной к событиям», особенно когда они касаются тебя, твоей семьи, и недвусмысленно стучаться в сознание.

Да, я изготовил "Nebel". В переводе с немецкого это означает "туман". Так в новой ипостаси я неосознанно назвал "Хранителя" из своих видений. В ту пору мне казалось, что разум не выдержит, сознание даст трещину, а жизнь круто измениться. Не верилось, что на самом деле существовал странствующий рыцарь по имени Андреас, который любил Вильгельмину, бился с Самуэлем на ристалище, а потом…

Потом все обрывалось. Новые эпизоды не приходили, и я понемногу успокоился, постаравшись все списать на свое богатое воображение, даже тот факт, что Лана удивительно похожа на Вильгельмину.

Подобное совпадение казалось мне совершенно невероятным: одно дело смутные воспоминания, и свершено иное – *физический облик, портретное сходство* - это уже не поддавалось логике, противоречило ей, если не допустить, что виной всему именно воображение, подставившее образ любимой на место Вильгельмины.

На том я и успокоился.

Прошла зима, за ней весна и вновь наступил июнь.

И вот, как гром среди ясного неба – внезапное продолжение той истории, но теперь уже во всех подробностях, с конкретным указанием места и времени действия.

* * *

Проснувшись, я долго сидел, приходя в себя.

Утро на дворе. Солнце уже встало, и я, пытаясь осмыслить свой сон, решить в какую категорию его отнести, вновь и вновь прокручивал в сознании картину встречи Самуэля и Андреаса.

Получилось, что за истекшие с момента изготовления "Nebel *а* " пол года, я впервые сознательно открыл потаенную дверь, за которую в бессрочную ссылку отправлялись все противоречащие моему мировоззрению явления.

Мысль прихотливо перескакивала с одного события на другое, я вспомнил многие, показавшиеся мне странными явления, начавшиеся с той

поры, как Лана стала серьезно изучать эзотерику.

Я видел, как она похудела, изменилась и внешне и внутренне.

И вдруг… мысль совершила непредсказуемый скачок: вспомнилась пора юности, когда мы только повстречались и полюбили друг друга. Семнадцать лет…Я окончил школу, и за год до армии пошел работать на завод радиодеталей, корпуса которого располагались на берегу реки, как раз напротив древнего Кремля.

Когда мне приходилось работать в вечернюю смену, Лана приходила к проходной к восьми часам, и мы вместе проводили мой перерыв, сидя на берегу, неподалеку от каменной церкви.

Церковь… Ее образ внезапно возник перед глазами так отчетливо, ясно… Чуть пожелтевшие, хранящие потеки от воды белокаменные стены, сверкающие в лучах вечернего солнца скаты крыши, необычной формы купола, на которых тускло сияют православные кресты…

Картина вызывала двоякие чувства. Я отчетливо представлял в своем воображении древнюю постройку, окруженную с одной стороны типовыми пятиэтажками, а с другой – огромной асфальтированной площадью, за которой высились корпуса завода.

Обычная для нашего города смесь древности и современности.

Однако… Сквозило в восприятии что-то новое, тревожащее, необычное.

Ночь. Глухая морозная ночь, сорванные с петель ворота Ивановского монастыря …

Стоп. Я медленно повернул голову, посмотрев на недавно завершенную Ланой картину. Около мольберта рядом с тюбиками краски лежало небольшое подарочное издание, где присутствовали фотографии и краткие исторические справки, относительно многочисленных памятников архитектуры нашего древнего города.

Картина. Она буквально притянула мой взгляд.

Внизу, под изображением знакомой постройки, стояла подпись, сделанная рукой Ланы:

"Храм Иоанна Предтечи"

Иван, Иоанн…

Я взял в руки справочник, пролистал его, пока на одной из станиц не нашел нужную фотографию.

Ниже располагался мелкий текст:

Храм Иоанна Предтечи – первая каменная церковь, построенная еще в девятом веке. Ранее храм входил в состав архитектурного ансамбля Ивановского монастыря, который не сохранился до наших дней .

Так. Спокойно. Это еще ничего не доказывает…

А какие тебе нужны доказательства?

Хороший вопрос. Мной внезапно овладела непонятное чувство тревоги, беспокойства, будто я отвергал часть себя самого.

Не выдержав внезапно возникшего противоречия, я поступил просто: от дома до огромной площади всего пять минут езды.

Вышел, завел машину, стараясь пока не делать далеко идущих выводов.

…

Через пять минут я оказался на месте.

Откровенно – мне стало не по себе, особенно когда посмотрел за реку, на башни и стены древнего Кремля.

Медленно обходя храм по кругу, я увидел запертую дверь, рядом с которой был закреплен распечатанный на принтере лист с расписанием времени служб (храм находился на реставрации после того, как его многие годы использовали под склад), затем перешагнул поребрик, ступив на газон и вдруг… мой взгляд внезапно поймал тот самый ракурс!

Мне стало холодно, словно день померк, а на утреннем небе высыпали яркие звезды, шелковистая трава на миг показалась ломкой от мороза, и я… я машинально преклонил одно колено, глядя снизу вверх на чуть пожелтевшие белокаменные стены.

…Глухая, враждебная, морозная ночь.

Меч, воткнутый в сугроб.

Мои руки смыкаются на рукояти, а губы шепчут слова молитвы.

Замысловатый рисунок изморози ползет по доспехам .

Я вздрогнул, резко выпрямившись. Казалось, сейчас вдалеке послышится храп коней, и я увижу Самуэля…

* * *

– Лана нам нужно поговорить.

– О чем Андрюша? И куда ты ездил в такую рань?

Я не ответил, сел за стол, нервно прикурил сигарету и спросил:

– Почему ты попросила меня изготовить "Nebel"?

В глазах Ланы промелькнуло удивление и замешательство. Понимаю, вопрос, мягко говоря, несколько запоздал, как минимум на пол года, но обычно я сам, вполне сознательно избегал разговоров на подобные темы, а Лана не настаивала на их обсуждении.

Такая позиция обоюдного конформизма, инициированная моими критическими замечаниями, еще в самом начале ее внезапного увлечения,

до поры позволяла нам избегать ненужных споров.

– Этого не объяснишь в двух словах. – После небольшой паузы тихо ответила она.

Мои пальцы мяли сигарету.

– Помнишь, я рассказывал тебе о необычных видениях, которые начались в момент изготовления Nebel *а* ?

– Помню. Но ты ведь счел их бредом. – Не спуская с меня встревоженного взгляда, напомнила Лана.

– Да. – Я согласно кивнул и добавил: – Возможно, я был не прав…

– Возможно?!.. – Теперь в глазах Ланы читалась явная тревога. – Что случилось, Андрей? Ты ведешь себя… странно.

– Я видел сон. Очень детальный, отчетливый сон, больше похожий на явь. – Собравшись с мыслями, ответил я. – И мне кажется, я нашел ему частичное подтверждение. Вот только поверить, да и осмыслить случившееся не могу…

– Так. – Она села напротив. – Расскажи мне, что ты видел?

…

Мой рассказ длился недолго.

Подробно описав события, привидевшиеся во сне, я перешел к предпринятым действиям.

– Понимаешь, чувство, возникшее у меня… – Я поднял взгляд на Лану и осекся.

В ее глазах стояли слезы, затуманенный взор казался бездонным, направленным не на какой-то конкретный предмет, а *вглубь себя* …

Я умолк на полуслове.

– Лана, ты что?

Ее подбородок предательски дрогнул.

– Ты видел Самуэля… Извини… – Она встала, и, как мне показалось резким, раздраженным движением смахнула слезы, дрожавшие на ресницах, будто разозлилась на внезапное проявление собственной слабости.

– Милая, успокойся.

– Я спокойна. Сейчас все пройдет.

– Почему тебя так задел рассказ? При чем здесь Самуэль? Он лишь плод моего воображения…

– Ты ошибаешься. – Лана уже вполне владела собой, вот только ее голос вдруг стал холодным и незнакомым.

– В чем я ошибаюсь?

– Самуэль не плод твоего воображения.

– А кто он?

– Андрей ты действительно хочешь услышать… – она не решилась произнести слово *«правду»,* справедливо опасаясь моей, мягко говоря, неадекватной реакции.

– Да хочу. Мне непонятно почему ты плачешь?!..

Лана пристально посмотрела на меня и произнесла:

– Я могу тебе все рассказать. Но у нас с тобой будет только одна попытка к взаимопониманию. – Я слушал ее, удивляясь голосу, твердому, с нотками непонятной властности, и в то же время полному горечи.

– Милая, ты не можешь знать Самуэля. – Я вдруг ясно ощутил всю глубину иррациональности возникшей ситуации. Мы что на полном серьезе делили *мой глюк?!*

– Могу. – Тихо, но твердо произнесла Лана, по прежнему глядя мне в глаза. – Я помню его, Андрюша. Он мой брат. Вернее… он когда-то был моим братом.

– Милая, такого не может быть. Ты это придумала сейчас?

Секундой позже я понял, что задел ее, задел больно…

Мучительный взгляд, полный горечи и безысходности, ожег меня.

Ее голос дрогнул, но Лана все-таки сумела совладать с чувствами:

– Андрей если ты настроен критично, нам лучше прекратить разговор. Раз и навсегда. Пусть все остается на своих местах.

– Нет.

Я знаю себя. Зерно сомнения уже упало и непременно даст богатые всходы. Я буду тщетно думать об одном и том же, не находя разумных ответов.

– Почему ты решила, что знаешь Самуэля?

– Это не моя память. – Решившись, ответила Лана. – Его помнит Вильгельмина, младшая сестра Самуэля, чьи воспоминания живут во мне…

Ей с трудом дались последние слова, а меня будто ударило током.

Вильгельмина!..

Откуда Лана знает это имя? Я ни разу не обмолвился о нем!..

Мой собственный голос показался в ту секунду чужим, долетающим издалека:

– Ты отождествляешь себя с Вильгельминой?!..

– Не совсем. – Лана напротив, немного успокоилась. – Когда я стала заниматься эзотерикой, во мне проснулись воспоминания. Сначала я считала их простыми видениями, снами, но потом поняла, что это не так. Память Вильгельмины таилась в моем подсознании, пока что-то не

выпустило ее…

В моей голове крутилась в тот момент единственная мысль:

Два человека не могут сойти с ума одновременно. Мы не могли ПРИДУМАТЬ одно и тоже!..

– Милая… – Я накрыл ее руку своей ладонью. – Ты должна мне все рассказать. Клянусь, я отнесусь к этому серьезно.

– Тебе будет тяжело поверить. – Она грустно смотрела в мои глаза. – Кроме воспоминаний есть еще кое-что, о чем ты не знаешь.

Я внутренне сжался.

– Все равно, ты должна рассказать.

– Хорошо. – Она окончательно приняла решение. – Слушай. Я постараюсь быть краткой.

* * *

Рассказ Ланы попросту выбил почву из-под моих ног.

Признаюсь, – мне пришлось прилагать немалые усилия, чтобы сохранять хотя бы видимость спокойствия, не выдать то смятение, что царило в рассудке.

Лана излагала практически невероятные события.

Я пытался представить, как она, ночь от ночи, от одного видения к другому, начинала понимать, что сон не является сном, а ее разум непостижимым образом попадает в иную реальность, но не такую, как описывает большинство фантастов в своих произведениях, – ее Вселенная была пуста, и лишь случайно Лана наткнулась среди мрака на островок "материи" (беру это слово в кавычки, потому что у меня сразу возникли сомнения, относительно материальности тех формаций, которые описывала Лана).

Она обнаружила огромную площадку, окруженную скалами и тоннель, принимавший форму лестницы. Что меня поразило и насторожило: Лана на протяжении нескольких месяцев раз за разом приходила туда, поднимаясь все выше по ступеням лестницы, пока не попала в мир, озаренный призрачным сиянием, все так же ограниченный скалами, или частично проникающий в них, в виде тоннелей, искусственных пещер, винтовых спусков, но, следуя ее словам, мир не изменялся на протяжении столь длительного времени, что не характерно для навязчивых снов…

Даже повторяющиеся сновидения все равно разнятся в деталях, но Лана особо подчеркнула стабильную неизменность загадочного мира.

Там она сделал новые открытия, которые окончательно и

бесповоротно пробудили память Вильгельмины. Среди скал и непонятных механизмов, грубой кладки и гладко ошлифованных тоннелей (в стенах которых были проложены вполне отвечающие современным взглядам технические коммуникации), Лана обнаружила загадочных энергетических существ, которых она называла "одуванчиками" за схожесть форм с известным аналогом, а так же четверых энергетических созданий, которые, по ее утверждению, когда-то были людьми: они до сих пор сохраняли зыбкие формы человеческого тела, а главное – обрывочную память о своем прошлом существовании.

Именно один из них узнал в Лане Вильгельмину и провел ее через загадочный энергетический тоннель в наш, *реальный мир* к руинам замка, так и не восстановленного после внезапного нашествия, уничтожившего небольшой городок и крепость на холме…

– Ты сказала что этот… – я запнулся.

– Рамуэль, – подсказала Лана имя энергетического существа.

– Да Рамуэль, – кивнул я, – он назвал тебя именно "хозяйкой данного мира"?

– Да. Я же рассказала тебе, что могу частично управлять происходящими в "тоннеле" явлениями. К тому же меня признали "одуванчики", а они, как я поняла, – стражи. Когда мы впервые столкнулись, то устроенный ими осмотр был похож на тщательное сканирование.

– И они пропустили тебя?

– Да. Скажу больше, два энергетических существа теперь постоянно сопровождают меня, куда бы я не пошла *там.* – Она выделила интонацией последнее слово

– Лана, – я уже чувствовал стойкую горечь от десятка выкуренных сигарет и нескольких чашек выпитого кофе, – ты понимаешь, что если Вильгельмина в прошлом являлась хозяйкой найденного тобой островка "материи", то она, если не даже не создала его сама то, по крайней мере, обустроила?

– Да, понимаю. – Согласилась Лана и тут же добавила: – Я не ответила и на десятую часть возникших вопросов, Андрей. Мне постоянно не хватает опыта, знаний. Я не смогла понять ни единого слова из найденных в "тоннеле" книг…

Можно представить мое состояние. Одно дело – внезапно очнувшаяся память о прошлой жизни, хоть немного стыкующаяся с реальными событиями истории, а с другой – загадочный "тоннель" (так Лана называла свой мир) существование которого мне было трудно не то, что объяснить, а

хотя бы допустить, пусть теоретически.

…Мы долго и тяжело разговаривали в тот день.

Я могу сравнить наш памятный разговор лишь с медленным продвижением по коварному, зыбкому болоту, где один неверно сделанный шаг может стоить… если не жизни, то наших отношений, взаимного доверия.

Ранить, оттолкнуть легко, но как жить дальше?

Неужели я позволю, чтобы наши отношения рухнули, распалась семья?

Я даже не отдавал себе отчета, насколько тяжелы были мысли, что будто булыжники ворочались в моей голове.

Но как можно принять данность, противоречащую всему, что знаешь, во что привык верить?

Нет, я не мог, не имел права делать скоропалительных выводов. Все следовало обдумать, взвесить, тем более, что виновником возникшей ситуации на этот раз был я.

– Лана. – Я заставил себя посмотреть ей в глаза. – У меня к тебе просьба. Давай на время отложим разговор.

– И что мы будем делать?

– Жить. Жить, как жили раньше. Но я хочу, чтобы ты дала мне книги, по которым изучала эзотерику. Я должен прочесть их и сделать свой вывод.

– Хорошо. – Она вздохнула, но было непонятно – с облегчением ли? – Я дам тебе все, что ты просишь.

Глава 2. Круг

Мое личное погружение в область незнакомых знаний происходило постепенно и нужно сказать – достаточно мучительно. Некоторые книги вызывали откровенное недоумение, иные заставляли задуматься, третьи… третьи вообще хотелось отшвырнуть в угол и больше не прикасаться к ним.

Постепенно я начал собирать информацию в сети Интернет.

Были сайты поразившие меня своей явной, темной, либо светлой направленностью.

Я то нырял в гнилостное информационное болото, то поражался некоторым (чрезвычайно редким, к сожалению) светлым мыслям.

Постепенно я начал понимать: истины не знает никто. Я в корне не верно подходил к проблеме, пытаясь найти готовые ответы на мучившие меня вопросы. В большинстве книг (либо информационных блоков) содержалась лишь крупица настоящего знания, часто глубоко завуалированная домыслами, либо догматами.

Постепенно, день ото дня, в процессе мучительных размышлений, у меня начал формироваться свой взгляд на часто упоминаемое, где-то уже затасканное, не имеющее четких границ и определений понятие "астрал".

Я размышлял, формируя для себя картину данности, стараясь не подтасовывать факты, не выдавать желаемое за действительное, – я рассуждал логически, соединяя современные знания с утверждениями, взятыми из древних источников.

Не было вспышек озарения, откровений… Шел нормальный процесс *осмысления*. Первое на что я обратил внимание: каждое физическое тело обладает своими энергетическими характеристиками. Даже камень, покоящийся на обочине проселка, содержит определенное количество потенциальной энергии, кроме этого он получает, либо отдает тепло, в зависимости от условий внешней среды… Мысленно представляя упомянутые процессы я видел уже не камень, а энергии, начиная понимать, что мысленный образ соответствует *энергетическому телу* лежащего на пыльной обочине проселка булыжника.

Такой взгляд на привычные предметы и явления внезапно открыл для меня совершенно иную картину мироздания. Я мысленно абстрагировался от физических тел, представляя мир, наполненный исключительно их *энергиями* .

Поначалу меня ослепляла феерия полупрозрачных, фантастически-

красивых, постоянно взаимодействующих друг с другом энергетик, но потом моя мысль начала удаляться от Земли, и вдруг…

Я увидел черноту.

Черноту, в которой мой мысленный взгляд уже не мог различить тех мощных энергетических потоков, что пронзают космическое пространство. Я понимал, что они есть, но недостаток знаний сыграл свою роль, – в моем рассудке не находилось адекватного отображения для явлений космического масштаба.

Усвоив урок, я вернулся к земле, где мог представить энергетику хотя бы некоторых физических тел.

Выходит астрал – это мир энергий, не доступный обычному взору, вторая, незримая Вселенная, которая окружает нас повсюду, ибо ее генерируют различные физические процессы?

Да выходило именно так. По моему представлению наиболее сложную ауру генерировали живые организмы, среди которых, несомненно, доминировал человек.

Мы мыслим, в нашем организме протекают миллиарды биохимических процессов, и в результате тело любого человека наполняют и окружают различные энергии. Несомненно, мышление, эмоциональное состояние и физический тонус организма формируют уникальный для каждого человека энергетический образ, *астральное тело*, в котором находят свое отражение мысли индивидуума, потому как они – результат биоэлектрической активности мозга.

Значит, каждый человек будет иметь три устойчивых структуры – матрицу сознания, или энергетический слепок разума, эмоциональную составляющую – душу – которую формируют мощные биохимические реакции, формирующие наши эмоции, которые суть – характер человека, сумма эмоциональных побудительных мотивов к тому или иному действию, и, наконец, энергетическую оболочку, в которую заключены структуры души и разума – отражение физического состояния организма.

Следующий этап размышлений привел меня к закономерному вопросу: если природные энергии стихийны, повторяемы, объяснимы, то человек, как уникум, личность, является наиболее сложным генератором структуры "астрального тела".

Что случается, когда наступает финал?

Астральное тело, благодаря своей устойчивой прижизненной структуре, еще некоторое время сохраняет целостность.

А дальше?

Дальше оно либо распадается, либо… продолжает свое

существование.

При каких условиях астральное тело может сохранить свою структуру, перейдя на иной способ самоподдержания – к примеру, поддерживая целостность за счет подпитки другими окружающими энергиями?

Мне приходил только один ответ на заданный самому себе вопрос: стихийные энергии взаимодействуют друг с другом в силу объективных физических законов, и только человек силой своего разума, может – это доказано тысячелетиями истории научно-технического прогресса – воздействовать на них, подчиняя свое воле.

Главным условием здесь является осознание цели, осмысленность, обоснованность действия, наличие определенных знаний. Не получиться успешного химического, либо физического опыта, если человек не обладает знаниями в нужных областях, не видит перед собой конкретной цели совершаемых действий.

Так и в астрале.

Оказавшись в условиях энергетической Вселенной, но, не потеряв способность *мыслить* , человек может либо принять, осознать новую форму своего существования, либо нет.

В первом случае он осознанно начнет искать способ самоподдержания и с большой долей вероятности – уцелеет, во втором, его ждет неизбежное разрушение под воздействием окружающих энергий.

Постепенно, по мере осознания происходящего, в мою жизнь вторгались перемены. Странные иррациональные обрывки снов. События, которые никак не мог ассоциировать мой разум. Жизнь резко разделилась на две взаимоисключающие данности, – одна проходила на уровне размышлений, другая в "реале", уже после возвращения из состояния глубочайшей задумчивости, граничащей с полной отрешенностью от реального мира, в мучительных поисках логического осмысления новых выводов, и связанных с ними явлений.

Чтобы не "свариться в собственном соку" я начал делиться своими размышлениями с Ланой. Мы вместе пробовали рассуждать, опровергая, либо подтверждая мои умозаключения.

Постепенно мы приходили к согласию, в том вопросе, что двойная память определенно не являлась плодом больного воображения. Есть другая данность, мы все ближе подходили к осмыслению ее истинной сути.

Мне нужен был опыт. Явно подтверждение или опровержение.

Да, но как его осуществить? Прежде всего, я понимал: опыт следует ставить над собой. Вера в собственный рассудок толкала меня на

рискованный шаг. Теперь, спустя годы я понимаю, насколько он был опасен, но тогда, измученный сомнениями, я был настроен пойти на определенный риск. Сидеть, сложа руки, становилось выше всяких сил. Ощущение, что дни пролетают мимо, из-за нерешительности, подсознательного страха перед последним шагом, не покидало меня.

Как поступить? Что может являться экспериментом?

Лана подсказала мне ответ.

Существовал еще один аспект, который я поначалу не принял во внимание.

Как поведет себя человек, при жизни познав суть окружающей нас энергетической Вселенной?

Вполне естественно, что увлеченный исследователь не побоится провести эксперимент, – он осуществит попытку сознательно отделиться от физической оболочки совершив экскурс в *неведомое*..

Насколько это опасно? Можно ли вернуться назад? Как долго можно находиться *вне тела*, и какие последствия это повлечет?

* * *

Этим вечером мы долго обсуждали волнующие нас вопросы.

– Как ты считаешь, чем занималась Вильгельмина?

Лана устало улыбнулась.

– Наверное, она посвятила свою жизнь изучению астрала. Научилась управлять энергиями и создала мир "тоннеля". Вот только мне не понятно, откуда там могли появиться современные технические коммуникации?

– Вселенная необъятна. – Ответил я. – Если мы не одиноки в космосе, то могут существовать цивилизации, далеко опередившие нас в области прогресса технических знаний. Я думаю что мир "тоннеля" не единственный, миров должно быть много, и не факт, что все они принадлежат людям, сумевшим сохранить свою целостность при астральном существовании. Поэтому часть "оборудования" Тоннеля могла быть заимствована у более развитых цивилизаций.

Лана кивнула.

– Я постоянно думаю над трагическим финалом. – Спустя некоторое время произнесла она. – Если Вильгельмина, как принято называть, занималась *практической магией* , то она ведь могла, используя как свои, так и древние знания, оградить родной город от посягательств?

Я ответил не сразу.

– Милая, возможно, ты со временем вспомнишь об этом. Постарайся не углубляться сейчас в воспоминания, не концентрируйся на них. – Я

говорил так, потому что смутные подозрения уже начали брезжить в моем рассудке. Чем больше я думал о нападении на город, "тоннеле" и необъяснимом исчезновении Вильгельмины, тем сильнее крепло во мне подозрение: именно *ее знания* стали причиной нападения. И банды различного сброда, явно не по своей воле покинули леса, – их гнала на город неведомая пока сила…

– А что я должна, по-твоему, делать? – Спросила Лана.

– Ты бы не хотела попытаться отыскать другие миры, расположенные поблизости от Тоннеля? – Осторожно предложил я. – Сам факт их существования будет иметь огромное значение.

Ни я, ни Лана – мы еще не знали какой неожиданный оборот примут последующие события, с какой невероятной скоростью они станут развиваться, открывая не только тайны мироздания, но и приподнимая завесу, скрывающую события прошлого и их взаимосвязь с настоящим.

* * *

Я уснул, как казалось – глубоко и крепко, но на самом деле мой разум начал постепенно выходить за рамки привычной реальности.

Чудились какие-то мельтешащие вокруг тени, голоса, даже смех – далекий переливчатый и нереальный.

Постепенно видение окружающего начало проясняться, принимать конкретные, знакомые черты.

…Мы живем на первом этаже в кирпичном доме постройки начала двадцатого века. Недавно мы получили официальное разрешение и вместо одного из окон сделали отдельный вход в квартиру. Перед крыльцом разбили небольшой декоративный садик – несколько кустов вереска, розы и настоящая, плодоносящая виноградная лоза, адаптированная к условиям средней полосы России.

Смех доносился с улицы.

Я открыл дверь. В начале июня наступает время белых ночей, и я не удивился тому, что на улице светло. Посмотрел на машину, припаркованную у крыльца, убедился, что все в порядке, несколько секунд наблюдал за помаргиванием индикатора сигнализации и хотел закрыть дверь, когда над кроной ясеня, прикрывающего своей сенью небольшую площадку, вдруг наметилось непонятное, размытое движение.

Вообще я не люблю кошмары.

Машинальная попытка проснуться, открыть глаза, чтобы на корню пресечь бредовое видение не увенчалась успехом: не смотря на "белые ночи", вдруг упали сумерки, затем начала сгущаться тьма, а призрачные

силуэты стали принимать черты существ, взявшихся за руки и несущихся по кругу в безостановочном, но плавном движении...

Я уже упоминал, что редко вижу яркие запоминающиеся сны. Чаще всего процесс отдыха сливается для меня в одно мгновение, когда кажется, что только закрыл глаза – и буквально секунду спустя тебя уже будят.

На этот раз все складывалось абсолютно иначе...

Двоякость состояния раздражала: с одной стороны, я, наверное, все же провалился в глубокий сон, раз не смог открыть глаза простым усилием воли, и в то же время мой разум продолжал бодрствовать, прокручивая перед мысленным взором эту странную картину, обрастающую все новыми и новыми подробностями...

То, что я поначалу принял за яркое сновидение, быстро и недвусмысленно принимало вид реальности: тьма вновь начала редеть, и я не только оказался в знакомой обстановке, но и почувствовал легкое дуновение ветерка, запахи…

Я еще раз предпринял тщетную попытку проснуться, надеясь, что происходящее все же является бредом, но тщетно – глаза не открывались.

Оставалось лишь смириться и стоически разглядывать картины, что проступали на фоне окружающей черноты...

Видение противоречило логике, фигуры в странных, ниспадающих одеждах кружили в воздухе на высоте двух-трех метров от земли…

В тот момент я, конечно, не вспомнил ни о сделанных накануне выводах, ни о своем желании произвести осознанный опыт, лишь в третий раз попытался проснуться, но опять ничего не вышло: сон продолжался, где-то неподалеку раздался переливчатый, неприятный смех, в котором, как мне показалось, прозвучала издевка.

Что ж... – мысленно смирился я, – *пусть себе снится...*

Порой философское, наблюдательное отношение к жизни в затруднительных ситуациях действительно выручало меня... но только не сейчас.

Пока я пытался примирить свое сознание со странными грезами, картина окружающего приобрела еще большую материальность. Теперь я отчетливо видел, как над машиной и виноградной лозой, под сенью раскидистой кроны ясеня несся хоровод из девяти взявшихся за руки фигур.

Некоторое время я рассматривал мистический хоровод, все более погружаясь в детальную атмосферу происходящего

Тела таинственных порождений спящего рассудка действительно были полностью скрыты под свободно ниспадающими балахонами, но у

меня отчего-то росла внутренняя уверенность, что передо мной женщины, причем разного возраста. Трудно сказать, как я сумел придти к подобному выводу, не видя их лиц, даже не сумев угадать, кому из них принадлежал прозвучавший смех?...

Создавалось странное и неприятное ощущение, что некоторое количество информации о сущности тех, кто вторгся в сон, было попросту "закачано" в мой разум.

Во мне глухо нарастало сопротивление, неприятие ситуации в целом, но что я мог предпринять, оставаясь в объятиях глубокого сна? Разве что испытывать раздражение от осознания собственной беспомощности, да наблюдать за окружающим и слушать этот переливчатый смех, который попеременно казался сродни то нежному позвякиванию колокольчика, то грубому, хриплому карканью ворона...

...Внезапно в окружающем сумраке раздались иные звуки – со стороны фигур, до этого безмолвно скользивших под сенью ясеня, донеслась странная речь: слова, зазвучавшие в ночной тиши, произносились нараспев, на незнакомом языке, – это было нечто среднее между пением и речитативом; разум невольно воспринимал отдельные непонятные фонемы, подпадая при этом под ритм монотонного хоровода, который внезапно обрел двоякость, превратившись не только в круг тел, но и в плавный полет произносимых нараспев фраз...

Меня явно заставляли смотреть и слушать. Круг летящих над землей тел замкнул сознание в ловушку мелодичного речитатива, сковывая рассудок и волю, не давая ни малейшего шанса на бегство или противодействие.

Осознав это, я бросил тщетные попытки высвободиться, либо принять происходящее за сон, и… сразу же стало легче, а в следующую минуту, на мгновение поборов оплетающий сознание монотонный ритм, я мысленно выкрикнул, обращаясь к головокружительному мельканию взявшихся за руки безликих фигур:

"Что вам от меня надо?!"

Опять зазвучал тот же самый смех, а потом на фоне продолжающегося речитатива внезапно раздался отдельный, хорошо различимый голос:

"Ты правильно истолковываешь реальность, но твой разум несет в себе морок: ты многое предвидишь, но не во все веришь".

Теперь со мной разговаривали на понятном языке!..

Следующий, мысленно произнесенный вопрос, уже не стоил мне таких неимоверных усилий, как первый выкрик:

"Во что я должен верить?!"

Круг ускорил свое движение, не нарушая ритма непонятных фраз, а тот же голос ответил на заданный вопрос:

"Мир в твоем понимании был удручающе прост, а на самом деле он сложен. Намного сложнее, чем это видит самый просвещенный из вас. Ты прикоснулся к тайне и хотел подтверждений… Мы пришли, чтобы дать его!"

Собственно, с этого момента сам круг стал восприниматься мною как фон. Главным стал голос, который существовал отдельно от ритмичного хоровода тел и звуков.

Снова хохот, мелькание тел в темных балахонах, певучий речитатив фраз, в которых слух уже начал различать повторяющиеся элементы, и голос:

"Будь осторожен. Береги себя и Лану. Скажи – пусть доверяет своей сущности"...

Круг вдруг порвался, рассыпался на отдельные фигуры, которые, немного помедлив, взмыли в темно-фиолетовые небеса и исчезли во тьме, за очертаниями ближайших зданий, оставляя за собой жуткое ощущение *реальности*

...

Их исчезновение сопровождал затихающий вдали, переливчатый смех...

* * *

Утром я проснулся не в себе, с приступом головной боли.

– Лана что такое сущность? – Спросил я за завтраком.

– Разве ты не знаешь? – Искренне удивилась она. – Ты ведь читал…

– Я не сосредотачивался на данном вопросе.

– Не знаю, как тебе объяснить…

– Ну, приведи пример. У тебя ведь есть *сущность?*

– Есть… – Лана выглядела несколько растерянной. – И ты знаешь прекрасно, что это "Nebel".

– "Nebel"?! – Я был настолько удивлен, что даже на минуту забыл об изнуряющей головной боли. – Ты хочешь сказать…

– Да, я общаюсь с ним. – Кивнула Лана. – Но, – она предугадала мой следующий вопрос, – к сожалению, он помнит немного, только момент окончательного обретения самосознания. Это происходило много веков назад, когда он лежал на полу, больше не ощущая присутсвия своей хозяйки.

– Как это могло произойти?! – Я имел в виду возникновение самосознания у *предмета!..*

Лана поняла мой вопрос.

– Вильгельмина, по твоим же собственным выводам, вполне осознавала истинную сущность энергетической Вселенной. Она специально создала "Хранителя", и, отравляясь в астрал, брала его с собой, как оружие. Многолетняя близость, фактическое слияние их энергетических тел (Вильгельмина носила Хранителя на груди, в ножнах, имевших вид креста) сформировало *сущность.*

Да. Я не должен был задавать глупых вопросов, ведь отлично помнил, как при изготовлении Nebel *а* меня коснулись первые видения, которые на поверку оказались фрагментами его собственной памяти о событиях многовековой давности.

– Извини. Глупый вопрос. Мог бы сам догадаться.

– Андрей, а что случилось?

Я рассказал ей о появлении круга странных существ.

Лана побледнела.

– Сколько их было? – С непонятной дрожью в голосе спросила она.

– Девять… По-моему, девять…

Моя головная боль усиливалась с каждой минутой, становилось тяжело думать, появилась знакомая сухость во рту…

– Выйду, покурю на улице. – Я встал, направляясь к двери.

На улице ярко светило солнце. Похлопав себя по карманам, я понял, что забыл сигареты, зато рука наткнулась на ключи от машины.

Отключив сигнализацию, я сел на водительское сидение, потянулся за сигаретами. Боль пульсировала в голове, и, чтобы отвлечься, я машинально коснулся кнопки на панели магнитолы.

В следующий миг мне пришлось на секунду мысленно пожалеть о совершенном действии.

Мое сознание, не смотря на теоретические изыскания, оказывается, не было готово принять оформившиеся предположения за истину, но…

Что мне оставалось думать, как я мог *теперь* относиться к ночному происшествию, когда из динамиков акустической системы внезапно раздались знакомые, пробивающие по телу короткими волнами дрожи звуки, – я услышал тот самый *речитатив* , который ночью в буквальном смысле пленил мой разум, заставив присутствовать при появлении Круга…

Прошло несколько секунд, прежде чем я нашел в себе силы поднять руку и с силой надавить на кнопку выброса кассеты.

Обычная "TDK", со знакомой царапиной на наклейке. Я помню: на

ней был записан сборник… Палец вновь толкнул кассету назад, в гнездо магнитолы, и опять из динамиков полились знакомые, произносимые нараспев слова незнакомого языка.

Я вынул кассету и пошел домой.

Ни слова не говоря, я сел у компьютера в столовой, и включил запись с камер охранной системы, которую мы установили после того, как примерно с пол года назад какие-то уроды выбили заднее стекло в машине.

Пол часа, мучаясь головной болью, я смотрел ночные записи, но… обе камеры показывали лишь изредка проезжающие мимо нашего дома машины, да запоздалых прохожих.

Никто не приближался к нашему крыльцу, а уж тем более не залазил в машину.

И, тем не менее, в моих руках была кассета с записью, – неопровержимым *материальным* свидетельством ночного происшествия.

Глава 3. Клементий

Лана с трудом воспринимала некоторые утверждения Андрея.

Не отказывая ему в логике, она не могла сразу и безоговорочно принять на веру некоторые выводы.

Например, что он говорил о древних формулах заклинаний, заговоров, почерпнутых из прочитанных книг? Что они – не более чем средство концентрации рассудка, который и без того (при условии полного осознания истинной структуры астрала) может манипулировать энергиями.

Да она могла управлять некоторыми явлениями в своем мире. Например, еще при первых исследованиях "тоннеля" она сумела создать подвесную переправу через бездонное ущелье, просто перебирая в уме возможные варианты перехода на противоположную сторону преградившей путь пропасти.

Туго натянутая сетка и трос в качестве поручня до сих пор сохраняли целостность и неизменность.

По словам Андрея выходило, что и сам "тоннель" вместе с окружающими его скалами был создан Вильгельминой посредством манипуляций с окружающими энергиями, и все, что она видит в "материальном" воплощении, так же состоит из энергий, которые приняли вид стабильных структур под воздействием воли человека?

Зачем Вильгельмина создавала тоннель?

Ответ казался очевидным: она знала истинную сущность астрала, и понимала, что ее жизнь на земле не вечна. Но почему в таком случае она не появилась там, даже если ее настигла смерть в ту роковую ночь?

Нет, она появлялась . – Мысленно поправила себя Лана. – *Вильгельмина вывела астральные тела четверых, погибших от рук озверевших убийц горожан, и велела им ждать своего возвращения* .

Но сама так и не вернулась.

Что могло помешать ей? Физическая смерть не могла послужить препятствием. Лана была уверена в этом, потому как совсем недавно с ней произошел один показательный случай: делая глоток воды, она внезапно подавилась; на миг перехватило дыхание, а рядом не оказалось никого, чтобы помочь. Чувствуя, что задыхается, Лана вдруг поняла, что в голове осознанным желанием бьется одна единственная мысль: сейчас я задохнусь – *пора уходить отсюда…*

Позже, переосмысливая ситуацию, она поняла – мысль была об

астрале. Вернее тогда она пользовалась иными терминами, но не в этом суть – почувствовав, что не может дышать, она едва не покинула собственное тело, инстинктивно рванувшись в черноту, к миру "тоннеля".

Вот такие машинальные реакции…

Нет, с Вильгельминой случилось нечто более страшное, чем смерть. – Лана часто думала об этом, но не могла ни вспомнить того момента, ни построить сколь либо правдоподобного объяснения, кроме одного: ей помешали. Теперь она понимала, что помешать Вильгельмине могли лишь существа, обладающие определенной силой, знаниями и способностями.

Такие мысли вызывали горечь и глухую волну гнева, идущую изнутри, из глубин подсознания.

Память, возрождающаяся в ней, была скудна, обрывочна, практически все приходилось узнавать заново путем опасных экспериментов.

…

Лана увидела постройку издалека.

Трудно привыкать к новому мироощущению, но постепенно приходит и это; события, явления, которые прежде повергли бы в шок, теперь, после серии осознанных, контролируемых выходов в астрал, воспринимаются легче, вызывают больше любопытства, и меньше страха. Хотя настороженность не исчезает, она, как защитная оболочка – всегда рядом, ибо быть в данном пространстве и не осознавать его потенциальной чуждости – невозможно.

Здесь присутствовал парадокс, некая дисгармония между стереотипным восприятием и энергетической данностью, но Лана пока не могла тонко прочувствовать, оценить парадоксальность не только собственных ощущений, но и действий.

…Постройка напоминала средневековую крепостную башню, одиноко стоящую на вершине островка "материи", который без видимой опоры парил в окружающем его бездонном мраке.

Естественно, пройти мимо не было никакой возможности.

Как странно: рассудок по-прежнему пытался оперировать устойчивыми, въевшимися в сознание понятиями, упрямо применяя их к иным по своей сути физическим явлениям, либо действиям. Например, сейчас, подумав, что следует *зайти* туда, ее астральное тело совершило плавный поворот и, *облетев* вокруг башни, мягко коснулось ногами тверди.

Здесь повсюду сочетались, казалось бы, несовместимые явления.

Например, толстая деревянная дверь на массивных кованых петлях, замшелый, шероховатый камень слагающих башню блоков, и десятки иных, бросающихся в глаза проявлений привычного физического мира,

контрастировали с окружающей Бездной, создавая стойкое ощущение нереальности происходящего.

Однако чувства утверждали иное. Пальцы осязали холод металла, когда Лана взялась за массивное кольцо.

Наверное, следовало постучать?

Она так и сделал, но ответа не получила.

Что ж… – Лана толкнула массивную дверь, и та поддалась с неожиданной легкостью.

…

Внутри царил мягкий сумрак, в котором по стенам плясали отсветы огня, пылающего в массивном камине.

Старинная меблировка, тяжелые гобелены на стенах, – все вызывало стойкое ощущение невероятной древности данного места: стол, на котором в живописном беспорядке были разбросаны различные, непонятные предметы, среди них – несколько старинных книг в тяжелых переплетах, за столом кресла с резными спинками, одно придвинуто к камину, но непонятно, сидит в нем кто-то, или нет?

Лана осторожно приблизилась.

В кресле у камина сидел старик.

Он молча смотрел в огонь, словно не замечая постороннего присутсвия, а затем вдруг произнес, глухим, надтреснутым голосом:

– Устал. Смертельно устал…

Лана стояла не шелохнувшись.

– Подходи, садись… – По-прежнему глядя в огонь, произнес старик. Выглядел он действительно уставшим, изможденным и Лана, не смотря на настороженность, почувствовала жалость к нему.

– Меня зовут Клементий. Не бойся. Я слишком слаб, чтобы причинить тебе вред.

– Кто тебе сказал, что я боюсь? – Лана сделала шаг вперед, выступив в круг света. – Это твой мир?

– Да, это мой мир. – Ответил Клементий. – Можешь не представляться. Бери стул, садись.

– Ты знаешь меня? – Осторожно осведомилась Лана, стараясь не выказать своего изумления.

– Соседи должны знать друг друга, верно? – Краешком губ усмехнулся Клементий. – Хотя, вскоре я, наверное, уйду отсюда. Нет сил поддерживать мир…

Лана пыталась найти подвох в его словах, но нет, похоже, новый знакомый говорил вполне искренне, да и его усталый, изможденный вид,

вроде бы как подтверждал сказанное.

– Может быть, я смогу помочь? – Осторожно спросила она.

– Помочь? – Он задумался. – Не знаю, что бы ты смогла сделать.

– Ну, прежде всего не впадай в депрессию. – Посоветовала Лана.

– Знаешь когда проживешь столько, сколько я… – он не договорил, безнадежно махнув рукой.

– Подожди. – Лана встала и прошла к выходу из древней постройки.

Значит все вокруг – энергии? И нужно лишь ясно представлять себе форму и функциональность задуманного?

Вот и представился случай проверить некоторые спорные утверждения.

Экспериментировать в "тоннеле" Лана не хотела, но тут… чем она рисковала? Если все получиться, то Клементию не нужно будет покидать свой мир, ну а если он все же решит это сделать, то Башня (Лана уже дала мысленное название данному месту) не останется пустой и беззащитной.

Она остановилась, не доходя нескольких шагов до края обрыва, за которым начиналась Бездна и, сосредоточилась, мысленно представляя полупрозрачный энергетический купол, в виде полусферы, накрывающий мир Клементия и сливающийся с иллюзорной "почвой".

Он должен пропускать меня, мою сущность и Клементия, более никого , – подумала Лана, еще не зная, увенчается ли успехом ее рискованное начинание. – *Пусть окружающие энергии питают купол, а он в свою очередь отдает часть собранной энергетики на поддержание Башни …*

На краю обрыва внезапно обозначилось струящееся марево, будто наступил знойный полдень.

Окружающая Бездна вдруг утратила пугающую черноту, словно ее отгородили толстым, дымчатым стеклом.

Лана в немом потрясении посмотрела вверх.

Купол.

Он сформировался в течение нескольких секунд… и, похоже, стабилизировался!

Оставалось проверить обладает ли он требуемыми характеристиками?

Шагнуть сквозь него самой?

Оправдан ли такой риск?

Лана все еще не приняла окончательного решения, как рядом с ней внезапно начало материализовываться неяркое свечение.

Это был Nebel.

Позвольте мне госпожа…

Сияние превратилось в ослепительный росчерк, – Nebel прошел сквозь защиту, затем, медленно вращаясь, описал плавный полукруг и вновь преодолел купол, мгновенно прильнув к груди Ланы, и, будто растворился, слившись с ее телом…

Nebel ты тут?!..

Голос, возникший в сознании, тихо шепнул:

Я всегда рядом.

…

Несколькими минутами позже Лана вернулась в Башню.

Клементий по-прежнему сидел у камина, но, похоже, был полностью осведомлен о произошедших переменах.

Лана пристально взглянула на его облик.

Так ли он прост и несчастен, как кажется?

В глазах Клементия она прочла совсем иное: он не успел спрятать своих истинных чувств. В глубине взгляда таилось вполне понятное удовлетворение, смешанное с удивлением и… страхом.

– Не бойся. – Произнесла Лана.

Клементий вздрогнул, словно очнувшись от секундного замешательства.

– Я не боюсь. С чего ты взяла? – Он внезапно и совершенно необъяснимо насупился, помрачнел, и слова, которые услышала Лана не совсем подходили к его сиюминутному облику:

– Спасибо, что помогла мне. Приходи когда захочешь. Я буду рад.

На груди встрепенулся Nebel.

Что-то было не так…

Лана не могла понять, что именно, и потому решила попрощаться.

– Мне пора. Я загляну к тебе. Обязательно.

– Буду ждать.

* * *

Измученный головной болью я не смог сесть за компьютер и работать. Вместо этого вышел на улицу. Хотелось свежего воздуха, тишины…

Пододвинув пластиковое кресло в тень виноградной лозы, я сидел, погрузившись в глубокую задумчивость.

Боль не проходила.

Зато пришел голос. Сначала я подумал, что мысленно разговариваю сам с собой, но затем сквозь дурман сковывающей разум боли до меня начало доходить, что мысленный диалог никак не может принадлежать моему сознанию. Вернее мне не принадлежала его часть, звучащая как

сторонний голос:

Ну, как ты получил подтверждение?

Очевидно, речь шла о ночных событиях и кассете.

Получил. – Не видя смысла отрицать очевидное, ответил я. – *Что дальше? И вообще, ты кто?*

Не важно.

Не важно? Тогда о чем нам с тобой говорить?

О многом. В частности о твоем предназначении.

Даже так? – Я мысленно усмехнулся. Не выношу, когда мне говорят о «моем предназначении». Всю жизнь я твердо верил в то, что собственную судьбу каждый человек делает сам.

А ты не ухмыляйся. Знаю, тебе будет неприятно, но вам с Ланой придется разойтись.

С какой стати?! – Мысленно возмутился я.

Это необходимость. Она должна идти своим путем. Ты достаточно ей помог, теперь пришла пора исчезнуть.

Я не взбесился, – мной овладела холодная ярость, захлестнувшая рассудок сильнее, чем головная боль.

Становлюсь слишком опасен?

Ответ несколько удивил меня, не умерив негодования:

Ты действительно опасен. Лана не нуждается более в твоей логике. Она должна сама пройти свой путь.

Я не мешаю ей.

Голос на минуту смолк, затем вернулся:

Подумай, какие вы разные. Вспомни, как сложен был путь вашей любви. Разве вода и огонь могут соединиться? Вы никогда бы не встретились, не будь на то…

Я не дал высказаться ему до конца. В моем сознании вдруг начали всплывать все неприятные моменты, какие только можно было раскопать в памяти.

Пошел ты!… Убирайся прочь!

Не боишься?

Чего мне боятся?! – Я уже слабо контролировал собственную ярость.

Я могу сделать твою жизнь невыносимой.

Хорошо. Попробуй. – Удивительно, но в тот миг ко мне вернулось самообладание. – *Попробуй тронуть мою семью, и посмотрим, кто из нас…*

Я вдруг понял, что он исчез. Источник непонятного голоса более не присутствовал рядом – это я почувствовал совершенно отчетливо.

…

В тот вечер мы с Ланой повздорили по какому-то пустяку.

…

Глухая ночь.

Я сижу на втором этаже квартиры подле недостроенного зимнего сада.

Мысли пульсируют в голове не стихающей болью.

Сознание не перевернулось. Усталость свинцовая. За окнами ночь расплакалась дождем. Ветер шумит, хлещет по тонким стеклам косыми струями, до срока пожелтевшие листочки ясеня липнут к окну.

Тускло светиться экран монитора.

Пять строк на сером фоне окна программы:

Мы убили друг друга… Прости…
Черный ангел был шафером нашим,
Две дороги, что в стороны шли,
В прошлом будущем и настоящем,
Вдруг заставили слиться в пути…

Как? Как объединить две половинки души? Как обрести утраченный покой, гармонию в восприятии расколотого надвое мира?

Помню, подумалось тогда: *эгоист. Жалеешь себя? А каково приходиться Лане* ?

Не знаю, чем бы окончились мои ночные размышления, но сдаваться я не собирался. А тем более подчинятся абсурдным требованиям непонятного голоса. Проще успокоиться, не бередить душу и память, а просто пойти спать.

Глава 4. Кольцо Фригайды

Утром мы помирились.

Глупо было вздорить по мелочам, когда происходили *такие события*.

Я рассказал Лане о голосе, она о посещении Башни.

– Уж не Клементий ли разговаривал со мной? – Интуитивное предположение показалось мне в тот момент если не обоснованным, то, по крайней мере, допустимым.

– Может и он. – Согласилась Лана, и в ее глазах вдруг вспыхнул недобрый огонек. – Если это так, я узнаю об этом, не волнуйся.

Некоторое время мы молчали, потом оба одновременно хотели что-то сказать и, заметив это… рассмеялись.

Я вдруг подумал: как странно слышать смех, словно мы успели отвыкнуть от простого проявления человеческих чувств.

В глазах Ланы таилась та же мысль.

Мы начинали понимать друг друга.

– Меня волнует Круг. – Произнесла она. – Не могу понять, какие-то смутные образы рвутся наружу, но мне не уловить их…

– Наверное, должно пройти некоторое время. – Предположил я. – Если ассоциации возникают, то они не пропадут всуе.

– Возможно… – Вздохнув, согласилась Лана. – Я постоянно ощущаю тревогу. И Nebel беспокоится. Как будто чувствует что-то.

Упоминание о сущности Хранителя вновь всколыхнуло воспоминания, а с ними и определенные, преследующие меня на протяжении последнего времени мысли.

– Лана, я хотел сказать тебе: по-моему, я нашел разгадку твоего физического сходства с образом Вильгельмины. По крайней мере, не отвергай с ходу моего предположения.

– Хорошо – согласилась Лана.

– По моим воспоминаниям получается, что Хранитель сопровождал Самуэля до территории современной Германии. – Я начал издалека, чтобы провести несколько аналогий. – Ты обнаружила сущность Хранителя в одном из католических храмов, недалеко от провинциального города, приблизительно в той же местности, верно?

– Да, он на протяжении веков скрывался в древнем кресте, который носили на груди служители того храма.

– Здесь мои воспоминания совпадают с действительностью. –

Подытожил я.

– Допустим.

– Давай теперь попробуем принять одно допущение. Самуэль был привлекательным мужчиной. Его краткое пребывание здесь, на территории древней Руси, вполне могло оставить чисто физический след.

Лана кивнула. Она понимала, о чем я говорю.

– Ты коренная уроженка той местности, где мы встретились с Самуэлем. – Продолжил я. – Если уж пробовать правдиво объяснить физическое сходство между тобой и Вильгельминой следует признать, что…

– Во мне течет кровь Самуэля? – Прервала меня Лана. – Ты это хотел сказать?

– Да.

– Возможно, ты прав. – Лана глубоко задумалась. – Я не помышляла о таком обороте событий. – Наконец произнесла она. – Но мне кажется, ты прав. Остается понять, как во мне пробудились воспоминания. Это не может являться генетической памятью?

– Думаю, нет. – Я отрицательно покачал головой. – У тебя память Вильгельмины, а не Самуэля. Так что гены дали тебе лишь облик…

– Который должен был, каким-то образом, наполнится содержанием, верно?

– Да. И это пока остается для меня загадкой. Так же как и мои воспоминания.

– И что мы будем делать?

– Думать. Искать ответ. Мы знаем уже достаточно много. Родина Вильгельмины – Англия. Слова Самуэля, относительно графства Йоркшир, прямо указывают на это. Затем, дата Ледового Побоища дает нам привязку ко времени. 1242 год. Вильгельмина жила в тринадцатом веке от рождества Христова. Думаю, что постепенно мы с тобой распутаем весь клубок… – Я ободряюще улыбнулся.

* * *

Постепенно не получилось.

В очередной раз выходя в астрал, Лана не предполагала, как близки грядущие события.

Ободренная удачным опытом она, прежде чем направиться к Башне, заглянула в Тоннель, потом снова окунулась в наполненную энергиями Бездну, и вдруг ей в голову пришла дерзкая мысль: а что если попробовать повторить опыт Вильгельмины? Хотя бы в малом масштабе? Получилось

же с энергетическим куполом, установленным над Башней?

Мысль уже не отпускала, и она решилась попробовать.

В рассудок почему-то не шли иные образы, кроме скал.

Хорошо. Пусть это будет скала. Главное чтобы получилось.

Лана прикрыла глаза, чтобы не видеть окружающей черноты, и стала сосредоточенно думать, формируя четкий мысленный образ.

Прошло некоторое время, и она начала ощущать дурноту, словно ее внезапно стали покидать силы.

Процесс начался внезапно и происходил так стремительно, что Лана испугалась вероятных последствий: оказаться совершенно обессиленной в Бездне, – ничего худшего она и представить не могла.

Нет, наверное, не получиться …

Она открыла глаза, по-прежнему ощущая непомерную слабость, граничащую с обмороком, и вдруг…

Лана едва поверила собственным чувствам: перед ней возвышалась *СКАЛА* .

Расходуя последние силы, она поднялась до уровня плоской площадки, венчавшей новоявленное образование. На каменистой почве росли мох и трава, несколько деревьев возвышались на краю обрыва, одно, высохшее, с обломанными сучьями лежало попрек площадки.

Лана без сил опустилась подле него.

Получилось…

Слабость оказалась столь велика, что не оставила сил даже на восторг.

Мгновенно начали слипаться глаза, и она уснула, едва заметив, как силуэт Nebel *а* отделился от ее астрального тела, и начал кружить над площадкой, охраняя ее обморочный сон.

* * *

Лана не знала, сколько прошло времени, но проснулась она на Скале.

Непомерная усталость отступила, она чувствовала себя бодрой, отдохнувшей и почти счастливой…

Радость от нового открытия, явного, уже неоспоримого подтверждения своих возможностей, несколько омрачали мысли о предстоящем посещении Башни.

Она понимала, что если Клементий замешан в событиях последних дней, то разговор с ним не будет легким и приятным.

Призрачный силуэт Nebel *а* по-прежнему кружил над Скалой, то вспыхивая остро отточенными гранями клинков в потоках невидимых энергий, то тускнея, до туманного, размытого образа, полностью

отвечающего его новому имени собственному…

Почувствовав пробуждение хозяйки, он спустился ниже.

В Башню Nebel. И будь начеку.

…

Приближаясь к Башне, Лана с удовлетворением отметила, что энергетический купол на месте.

Преграда беспрепятственно пропустила ее и превратившегося в сгусток тумана Nebel *а*.

Она постучала, но ей опять никто не ответил.

Лана открыла дверь и вошла внутрь.

Создавалось впечатление, что она и не уходила никуда. По-прежнему пылал огонь в камине, бросая по стенам мятущиеся блики, сгорбленная фигура Клементия все так же неподвижно застыла в кресле, хотя Лана понимала, что он чувствует ее присутствие.

Необъяснимое, но явное равнодушие вдруг всколыхнуло ее чувства.

Лана уже не в первый раз сталкивалась с похожим явлением, когда она начинала действовать решительно, властно, словно не привыкла оглядываться на последствия, или даже думать о них.

Казалось, она видит Клементия насквозь и в этом пытливом взгляде зарождается смутное узнавание.

Да, вне сомнения это был он… он приходил к Андрею.

Nebel, незримо парящий рядом, четко фиксировал след энергии, который она уже научилась узнавать.

Энергия Андрея. Она была почти неощутима, как почти выветрившийся запах, но этого оказалось достаточно.

– Значит, беспомощный, слабый и немощный?! – Глаза Ланы гневно блеснули. – А запугивать Андрея сил хватает?

Клементий повернулся, на этот раз слишком резко и эмоционально. Его глаза выдавали замешательство, и в то же время, в них затаился недобрый огонек, но, посмотрев на Лану, он не произнес ни слова, вновь отвернувшись к камину.

– Нет, постой, не отворачивайся! – Лана сделала шаг вперед, чтобы видеть озаренное отсветами пламени лицо Клементия. – Не смей отмалчиваться! Или сделаешь вид, что не узнал меня? А может, ты узнал *Вильгельмину?!* – Вопрос вырвался у Ланы сам по себе.

Клементий вздрогнул и вдруг ответил, коротко односложно и в то же время вызывающе:

– О, да!..

Внезапно наступило немое потрясенное молчание.

– Что ты знаешь? Отвечай! – Лана уже не владела собой.

– Присядь.

– Нет. Отвечай.

Он молчал. Молчал упрямо, наверное, вполне отдавая себе отчет, чем может обернуться его поведение.

Лана с огромным трудом подавила в себе вспышку эмоций.

Nebel дрожал от напряжения. Еще секунда и он рванется вперед без приказа…

Клементий видимо почувствовал это.

– Ты могла бы осмотреть Башню. – С трудом выдавил он. – Возможно, тебя заинтересует что-либо из моей коллекции предметов.

Пытается откупиться? Переключить мое внимание?

Лана не понимала, что происходит.

Ей действительно нужно было успокоиться, иначе в таком состоянии она могла совершить поступок, о котором впоследствии будет сожалеть… Может быть…

Ни сказав ни слова в ответ, она развернулась и, отыскав взглядом винтовую лестницу, ведущую на верхние этажи Башни, направилась к ней.

…

Несколько расположенных выше помещений действительно содержали богатую, но находящуюся в беспорядочном состоянии коллекцию различных предметов.

Лана смотрела на них равнодушно, взгляд не находил ничего необычного кроме странных форм.

Глупо. Нужно было остаться и любыми средствами вырвать у него правду. Он что-то знает. По крайней мере, он знал Вильгельмину. Чего стоит один его возглас "О, да!"

Почему он отказался разговаривать со мной.

Значит, ему есть что скрывать?

Что ж я стою здесь?

Лана находилась на третьем, предпоследнем этаже Башни, – выше располагалась только открытая площадка. Ее взгляд по-прежнему скользил по различным предметам, разложенным на столах и полках.

Внезапно ее внимание привлекло кольцо.

Незамысловатое серебренное кольцо, служившее оправой для продолговатого, ограненного, чистого и прозрачного как слеза камня.

Что-то дрогнуло, мгновенно надорвалось в душе.

От кольца исходила слабая, едва ощутимая энергетика, но она была такой сложной, что не могла принадлежать обычному предмету…

Лану вдруг захлестнула волна образов.

Ее состояние внезапно переместилось на грань беспамятства, сознание стало нечетким, в нем постоянно мелькали образы, которые она не могла уловить, задержать, пока вдруг не вспомнилось имя:

Фригайда…

Она мгновенно увидела ее лицо – молодое, улыбающееся…

Затем образ отдалился, и Лана внезапно увидела себя стоящей внутри *КРУГА!..*

Девять женщин разного возраста, взявшись за руки, окружали ее, у каждой была своя сущность, но она видела лишь кольцо, сверкающее на пальце Фригайды, остальные образы оставались размытыми, нечеткими… лишь всплывали из глубин памяти их имена…

Первой кого она вспомнила после Фригайды, была ее кормилица – Клементина.

Самая старшая, и в то же время самая слабая из созданного мной круга… – Мысль прорвалась из пучин памяти. – *Если случиться отражать атаку, она не выдержит…*

Сейчас не выдержу я…

Лана пошатнулась, машинально ухватившись рукой за край стола.

Убиты…

Они все были убиты, потому что оказался разорван круг и виной тому – Клементина.

Следующая мысль, поразившая ее, словно удар тока, снова пришла из пучин открывшейся памяти:

У меня был враг. Личный враг.

Лана силилась вспомнить его, но ничего не выходило, она не видела лица, лишь смутный мужской силуэт. Кто-то знакомый, находившийся настолько близко, чтобы нанести предательский удар, порвать защитную мощь Круга, дать понукаемым ордам нечисти возможность ворваться в город, который не взяла бы и иная армия…

Она ощущала лишь вязкую, похожую на липкую, черную патоку энергетику *ВРАГА…*

Кольцо Фригайды.

Это оно передавало ей слабые, практически стертые образы.

При чем здесь Клементий?

Нет, он определенно что-то знал, но соотнести его образ с теми событиями Лана пока не могла.

Кто он: друг, враг или соглядатай?

Сил на выяснение истины не осталось, – камень кольца начал

испускать едва заметное сияние, но видно попытка пробудить впавшую в кому сущность, отняла у Ланы все силы.

Только Nebel пылал все ярче, готовый в любую секунду ринуться в бой.

Выводи меня отсюда… В Тоннель… Немедленно…

…

Лана едва помнила, как оказалась в Тоннеле.

Одуванчики, парящие над куполом здания, где располагалась энергетическая установка, внезапно ринулись вниз.

Что-то было не так …

Прилагая неимоверные усилия, она осмотрела себя, и вдруг, с ужасом обнаружила спрятанное в складках одежды кольцо.

Кольцо Фригайды .

Как я забрала его?!

Хозяйка оно само… спряталось в складках одежды. – Зазвучал в истерзанном сознании голос Nebel *а* . – *Находиться там – означало погибнуть, иссякнуть…*

Лана все поняла.

Назад! – Отдала она приказ угрожающе приблизившимся «одуванчикам», а сама вошла в зал, положила кольцо под энергетической установкой и, уже покинув здание, мысленно включила ее.

Пусть кольцо заряжается.

Nebel мы уходим… Нужно попасть домой…

Глава 5. Рывок

Этот вечер и следующий день запомнились мне навсегда.

Лана выглядела не просто усталой – истощенной. Ее рассказ о повторном посещении Башни и кольце Фригайды звучал сбивчиво, по всему было видно, что силы, которые *встрепенулись* от совершаемых ей действий, вовсе не безобидны…

Суть рассказа я уловил.

Правильная интерпретация событий, – не этого ли опасался Клементий в своей не очень-то изощренной попытке моего устранения?

Да, похоже, что он действовал спонтанно, – сначала привел мне доказательства моих собственных догадок, а затем, зная, что я не приму появление голоса за очередной бред, попытался запугать меня.

Почему?

Потому что сам был испуган, сбит с толку?

Чего он боялся? Разоблачения? Но почему он допустил Лану в Башню? Зачем притворялся немощным? Хотел проверить ее способности?

Странное, непоследовательное поведение.

Кто же ты такой, Клементий?.. – Мучительно размышлял я.

В этот момент внезапно раздался голос Nebel *а*. Он зазвучал в моем сознании впервые после долгой паузы, прошедшей с момента нашего общения, происходившего в период изготовления его нового физического тела:

Не Клементий. КЛЕМЕНТИНА…

Меня словно током ударило.

– Лана!

Она вскинула голову, посмотрев на меня.

– Башня принадлежит не Клементию. Он не тот, за кого себя выдает!

Во взгляде Ланы читалось недоверие.

– И кто же он?

– Клементина… – выдохнул я.

Лана едва ли поверила своим ушам. На ее бледных щеках появились пунцовые пятна.

– Откуда ты знаешь?!

– Мне только что сказал Nebel . *Он узнал Клементину!..*

Наше обоюдное потрясение трудно описать словами.

– Я пойду туда.

– Нельзя, ты слишком устала!

– Нет, я пойду.

Я знал – спорить и уговаривать бесполезно.

* * *

На этот раз Лана вошла в Башню без предварительного стука в дверь.

В душе то начинало клокотать возмущение, то сжималась глухая тоска, то диким, необузданным порывом вскипала ярость.

Nebel следовал за хозяйкой, то превращаясь в сгусток тумана, то проявляя сталистый блеск вибрирующих мелкой дрожью лезвий.

Ссутулившаяся фигура в кресле подле камина.

Медленный поворот головы, блеск пристальных, проницательных глаз.

Нет …

Не судья я тебе …

– Клементина!..

Дрожь охватывает тело, и одновременно по лицу Клементия вдруг пробегает тень искажения.

Он встает и… невольно начинает пятиться.

– Клементина… Nebel узнал тебя. Я пришла, чтобы услышать правду. Ты можешь сбросить свое обличье.

– Это не обличье, госпожа…

Да, это ее голос…

Стоило позавидовать самообладанию бывшей кормилицы.

За истекшие века она сильно изменилась и не только внешне: научилась держать удары, набралась опыта и силы.

– Позволь мне остаться в прежнем облике. – Клементий твердо взглянул на Лану и добавил: – Хотя бы на время *этого* разговора.

– Зачем?

– Увидите, госпожа. Я предчувствую вопрос, на который смогу ответить, только будучи Клементием.

– Хорошо. – Лана пододвинула показавшееся тяжелым кресло, развернула его к камину и села.

– Расскажи мне о Вильгельмине. Я хочу знать все. В том числе, – откуда во мне ее память?!

Клементий склонил голову. В его глазах более не сквозило упрямство. Его сменило облегчение и… страх.

Словно сняв с плеч одну непосильную ношу, он понимал, что принимает другую, гораздо более тяжкую.

– Ну?
– Не знаю с чего начать…
– Круг. Тоннель. Нападение на город.
– Круг создала Вильгельмина. Она с детства изучала науку, которую сегодняшние поколения называют мистикой. Это был трудный путь познания истины, но к своему двадцатилетию она стала настоящим мастером. Клементина, – он почему-то начал рассказывать о себе в третьем лице, – могла наблюдать этот процесс шаг за шагом. Когда Вильгельмина сумела впервые выйти в астрал, то поняла: одной очень опасно и сложно находиться здесь. Ей нужна была защита, дружественные силы, которые смогут в нужный момент придти на помощь, или хотя бы вернуть заплутавший средь Бездны рассудок в телесную оболочку. Тогда она стала подбирать учениц. Так, собственно, и возник Круг.
– Контроль и обеспечение выходов в астрал были единственной функцией Круга? – Спросила Лана, прервав рассказ Клементия.
– По большому счету – да. Позже, создавая мир "Тоннеля" Вильгельмина по очереди выводила своих учениц в астрал. Мы все по очереди помогали ей.
– Зачем были нужны сущности? И почему они разные?
– То было иное время. – Голос Клементия внезапно осип. – Много дел земных удавалось совершать, применяя знания и силу, в том числе и силу сущностей. Хотя сама Вильгельмина мало интересовалась бренным миром, но ее ученицы успешно практиковали. – Добавил он.
– Хорошо. Теперь мне более или менее понятно, что такое Круг. – Лана подняла взгляд, поймав и уже не отпуская взор Клементия. – Я знаю, у меня был враг. Мужчина. Кто он, и почему так люто ненавидел меня?
– Он любил вас, госпожа. – Клементий склонил голову, отведя взгляд. – Любовь и жажда бессмертия свели его с ума. Мудрый человек сказал, что "от любви до ненависти один шаг". Вы не обращали внимания на мужчин, а его знания… Вы просто рассмеялись ему в лицо, когда он *потребовал* быть допущенным в Круг.
– Кем он был?
– Советником вашего отца.
– Он действительно обладал истинными знаниями?
– Нет. Но был готов на все, чтобы получить их, вместе с надеждой на бессмертие. Ваш отказ и уязвленное честолюбие заставили его обратиться к иным силам.
– Темным?
– Да, госпожа. – Клементий вдруг невесело усмехнулся. – В те

времена существ, что сумели покорить астрал, еще можно было разделить на "темных" и "светлых". Сейчас все не так. Пространство пустеет, и цвета становятся серыми. Современные поколения поклоняются своим идолам. Для одних это деньги, для других власть, для третьих – чистая наука, отвергающая все знания древности.

Лана молча выслушала это отступление и произнесла:

– Вернемся к прошлому. Он получил силу и знания?

– Он получил их подобие, и попал в зависимость. В ту пору существовали догмы, через которые не помогал перешагнуть даже личный опыт. Астрал полон нейтральных энергий, но те, кто попадал сюда, и избегал распадения личности, были при жизни разными… Очень разными. Если следовать сравнениям, то могу сказать, что наиболее древние существа, из числа населяющих астрал, одновременно и наиболее дикие. Они привыкли питать свои миры энергией человеческой, будь то страдания, либо счастье, чистая, идущая от души молитва, либо тяжкое проклятие. Большинство до сих пор придерживается прежних, устоявшихся правил, но светлого все меньше, люди утратили веру, одни разучились творить добро, другие потеряли страх перед заповедями, поклоняясь лишь земным, материальным силам.

– Что он надеялся получить? – Оборвала Клементия Лана, возвращаясь к животрепещущему для нее вопросу.

– Он рассчитывал силой удержать Вильгельмину и воспользоваться ее знаниями, ее миром, чтобы обрести власть и бессмертие. Но для осуществления своих замыслов, он должен был порвать Круг. К тому времени незримая связь между Вильгельминой и ее ученицами не прерывалась ни на мгновенье.

– Как он сумел это сделать?

– Слабое звено. Клементина. – По лицу Клементия вновь пробежала рябь искажений, и он внезапно преобразился, – перед Ланой теперь стояла кормилица Вильгельмины. – Он лишил меня той толики сил, что имелись, выбив первое звено Круга, разорвав энергетическую связь, а затем, по очереди начал уничтожать остальных. – Клементина говорила тяжело, с жутким надрывом в тихом голосе. – Когда я очнулась, город уже пылал. Я как безумная бросилась искать тебя. Но все было тщетно… – Голос Клементины стал похож на шепот. – Тебя не было нигде. – Тогда я бросилась к звоннице, чтобы ударить в колокол, и била в него, пока стрела не пронзила мне горло…

Взгляд Ланы на секунду затуманился, а когда он прояснился, то перед ней вновь стоял Клементий.

– Враг совершил ошибку, оставив бессознательную кормилицу лежать у дверей спальни. – Произнес он. – Остальных враг убивал, не давая вырваться астральному телу… Клементину он просто бросил лежать там, где оглушил, и это позволило… избежать смерти после смерти, но лишь затем, чтобы убедиться, – случилось самое страшное: мир Тоннеля был пуст, Вильгельмина погибла астрально и физически, не отдав этой мрази ни толики своих знаний.

– Тогда ты и стал Клементием?

Минута тишины.

Лицо Клементия белое, словно мел, седые волосы, седая борода…

– Да. – Наконец раздался его глухой голос. – Я знал, что враг жив и постарается исправить допущенную оплошность. Я был слаб, истерзан чувством вины и сомнениями, но во мне еще теплилась слабая, ничтожная надежда. Перед физической смертью я видел Хранителя, – принадлежавшую Вильгельмине боевую сущность. Хранитель разил врагов, защищая спину Самуэля.

– При чем здесь он? – Нахмурившись, спросила Лана.

– Каждая сущность несла в себе не только силу, но и слепок души и разума своей Хозяйки. – Ответил Клементий.

– Но Nebel не помнит ничего, что предшествовало бы его пробуждению на полу спальни! – Воскликнула Лана.

– Да, это так. – Он склонил голову. – Но обо всем по порядку, госпожа. Я потратил шестьсот земных лет, чтобы отыскать Хранителя. К тому времени уже существовала Башня, и я привык к облику Клементия, многое узнал, приобрел опыт и силу.

– Враг все еще здесь, в астрале?

– Да, госпожа.

Словно жаром и холодом одновременно окатило рассудок.

– Продолжай.

– Я знал, что он тут, но понимал: мне в одиночку не справиться с ним. Сейчас у врага свой мир, отлично защищенный, напитанный темной энергией. Более того, мне стало известно, что извращенный безумец не оставил своих притязаний, и так же ищет Хранителя. Потому я не решился забрать его, как забрал кольцо Фригайды и некоторые другие сущности, которые мне удалось отыскать. Я лишь снял с Хранителя всю информацию, касающуюся души и разума Вильгельмины, оставив его там, где он нашел себе идеальное убежище. Именно поэтому он помнит лишь самого себя.

– Неужели в мире погибла справедливость? – Тихо прошептала Лана, обращаясь скорее к своей душе, но та лишь отозвалась болью, а на тихий

вопрос ответил Клементий:

– Истинный баланс и справедливость существовали до появления людей.

Лана лишь гневно сверкнула глазами.

Так не должно быть!.. – Говорил ее взгляд.

– Ты помнишь свое детство? – Клементий вдруг обратился к Лане на "ты", по непонятной причине отбросив условности.

– Смутно.

– Андрей прав – в тебе течет кровь Вильгельмины. – Но твое рождение сопровождалось плохими явлениями. За первый год своей жизни ты пять раз болела воспалением легких. Никто не уповал, что тебе суждено выжить. Последней надеждой являлось крещение.

– Не взирая на проклятья, исходившие от моих же родных? – Невесело усмехнулась Лана. – Им не нужна была обуза…

– Да это так. Однако тебя все же крестили… Взгляни.

Лана вдруг увидела знакомую обстановку Варлаамовской церкви.

Годовалая девочка на руках седого, как лунь, священника.

Вглядевшись в черты его лица, Лана с дрожью узнала… Клементия!

От крепко державших ее рук к девочке сочилось яркое, но незримое для других людей сияние…

Душа и разум Вильгельмины перетекали в нее…

Круг замкнулся.

Все вставало на свои места.

…

– Клементий ответь мне еще на один вопрос: Почему ты пришел и стал запугивать Андрея, настаивая, чтобы мы расстались?

– Все пошло не так, как было задумано. – Клементий уже не видел смысла, что-либо скрывать. – Я рассчитывал, что ты будешь изучать мистические науки, но проживешь *земную жизнь* , и лишь после своей кончины, попав в астрал, познаешь истину, принять которую позволил бы твой опыт. Но ты вырвалась сюда раньше, я не учел той силы, что заключена в душе и рассудке Вильгельмины. А Андрей еще более все усугубил, своими изысканиями…

– Но это уже произошло. – Лана взглянула на Клементия и добавила: – Не смей больше вмешиваться в нашу *земную жизнь.*

Он лишь пожал плечами и кивнул.

Прежде чем проститься Лана обернулась, уже на пороге Башни, и произнесла:

– Спасибо тебе… Клементий.

* * *

Лана вернулась совершенно измученная.

Коротко пересказав суть произошедших событий, она едва смогла добраться с моей помощью до постели.

Той ночью я и Nebel охраняли ее тревожный сон.

* * *

Утром, проснувшись, Лана долго приходила в себя.

Мы позавтракали, стараясь говорить на отвлеченные темы. Потом она сказала, что собирается в Тоннель.

Я не протестовал. Тоннель казался мне наиболее безопасным, защищенным местом.

Конечно, Лана должна была пойти туда. Оставлять без присмотра кольцо Фригайды, которое, наверное, уже восполнило критическую нехватку энергии, было бы просто неразумно.

…

Выход в астрал в реальном времени, всегда дается труднее, чем в состоянии полусна.

Лана уже привыкла, что ее встречает легкое сопротивление, которое постепенно исчезает, по мере приближения к Тоннелю.

Так было и на этот раз. Все происходило как обычно, не предвещая грядущих событий.

Оказавшись в своем мире, Лана направилась к куполообразному зданию с тремя ярусами окон, внутри которого работала энергетическая установка. Она до сих пор не смогла разобраться в ее конструкции, но путем многократных опытов узнала одно из предназначений: установка могла собирать и аккумулировать энергию.

В данный момент она питало кольцо Фригайды, истощенное за века забвения.

Отключив установку, Лана вошла под своды наполненного светом зала.

Кольцо лежало на установленной в центре помещения подставке, камень ярко сиял.

Лана приблизилась к нему.

Заговорит ли?

Лану сейчас волновал только один вопрос, но, прежде чем задать его, она мысленно сосредоточилась и спросила:

Ты узнаешь меня? Ощущаешь?

Да… – Ответ кольца был похож на далекий шепот, хотя камень по-прежнему ярко сиял.

Лана осторожно взяла его одела на палец. Ей казалось, что так им будет проще общаться.

Ты помнишь Фригайду?

Да, госпожа. – Теперь мысленный ответ прозвучал увереннее, четче.

Как она погибла? Кто ее убил?

ВРАГ…– Сияние камня вдруг стало нестерпимым для взгляда.

Ты чувствуешь его?

Да, госпожа.

Внутри все сжалось. Лана посмотрела на камень и вдруг произнесла:

Покажи мне его!

Она думала, что кольцо, как хрустальный шар, сможет передать изображение, но в следующий миг случилось непредвиденное: Лана вдруг почувствовала мощнейший рывок, – подобное ощущение мгновенной, невыносимой перегрузки она испытывала лишь однажды, когда решилась прокатиться на "американских горках".

Слабое, бледное сравнение.

Перегрузка нарастала, она вдруг поняла, что несется куда-то с неимоверной скоростью, увлекаемая в определенном направлении двумя сущностями, – кольцо Фригайды указывало путь, а Nebel, *уловив энергетику следа* , словно сошел с ума, в неистовом, неудержимом порыве мщения… хотя Лана в те секунды не могла осмыслить происходящего, она не была готова к *рывку*, и сейчас изо всех сил сопротивлялась ощущению нарастающей *перегрузки* , – иного сравнения в рассудке просто не нашлось.

Nebel пылал.

Лана видела, как он рассекает какие-то вязкие, похожие на полотнища тьмы препятствия, и те разлетаются рваными клочьями черноты, открывая все новые и новые преграды.

Безумие. Это безумие…

Вязкая тьма внезапно расступилась, а вместе с этим исчезло ощущение запредельной перегрузки…

Она увидела небольшое помещение и человека стоящего спиной к ней, склонившегося над столиком старинной ручной работы.

Его одежды показались ей знакомыми до нестерпимой боли, массивная золотая цепь, свисавшая до пояса, имела необычную фактуру сплетенных между собой звеньев, имитирующую кожу змеи. Замок в виде двух змеиных голов располагался не сзади, как это принято, а спереди…

Лана почувствовала – цепь является сущностью, и тут же пришло

узнавание…

Это был ОН.

Они прорвали защитные барьеры темного мира и ворвались… в логово врага.

Лана в эти краткие мгновенья успела подумать о многом.

Он начал медленно поворачиваться, еще секунда и…

Как не велика была клокотавшая в груди ярость и жажда мщения Лана нашла в себе силы, чтобы здраво оценить свои возможности.

Измученная рывком двух подчинившихся необдуманному приказу сущностей, она не была готова вступить с ним в смертельную схватку, у которой мог быть только один победитель.

Этот преждевременный рывок мог перечеркнуть все усилия.

НАЗАД!

…

Враг не успел обернуться.

Обратный рывок оказался не менее стремительным и тяжелым.

Nebel уничтожь наш след!

За спиной Ланы пространство внезапно начал наполнять непроницаемый туман…

Глава 6. Скала Правосудия

– Андрюша, что теперь делать?!..

Лана не выглядела растерянной, я чувствовал, она готова пойти на любой, самый отчаянный шаг, но в то же время мы практически ничего не знали о противнике, кроме того, что в прошлом Вильгельмина недооценила его амбиций.

– Сущность. – Лана говорила медленно, с трудом находя в себе силы, после совершенного рывка. – Я видела у него на шее сущность. Андрей, она опасна. Очень опасна.

– Понимаю. – Я кивнул, пытаясь найти выход из создавшегося положения.

– Ты уверена, что он не узнал тебя?

– Мы исчезли до того, как он обернулся.

– Это слабое утешение. Вы пробили защитные оболочки его мира. Думаешь, это не обеспокоит его?

– Слабо сказано… – Ответила Лана. – Я велела Nebel *у* уничтожить энергетический след нашего присутсвия, но он обязательно будет искать источник вторжения.

– Так или иначе, он выйдет на Тоннель. – Я не преуменьшал способностей Nebel *а* , но недооценивать врага, зная, что он хоть чему-то научился за прошедшие века, тоже не следовало.

– Лана, я вижу только один выход.

– Какой? – Она пристально посмотрела на меня.

– Сейчас он в шоке. Оболочки его мира разрушены. Но все равно, вторгаться туда – самоубийственно. И все же медлить нельзя. Нужно использовать ситуацию.

– Как?

– Он будет искать, вернее уже ищет источник вторжения. Помнишь скалу, что ты создала?

– Конечно.

– Я пойду туда. Если ему не изменила память – Враг узнает меня, ведь когда-то я номинально стал его соперником, добиваясь расположения Вильгельмины.

– Андрей ты в своем уме?

– Нормально. Я адекватен. Мы должны использовать его слабые стороны. Сыграем на надменности, раздутом самомнении, – подумай,

какую смехотворную угрозу представляет для него призрак давно погибшего рыцаря, по имени Андреас? Он будет уверен, что справиться со мной в одно мгновенье.

– Но ведь так и будет, Андрюша!

– Нет.

– Не понимаю тебя!

– Сейчас поймешь. Помнишь, как ты создавала Скалу? Как подчинила себе энергии, сотворив защитный купол над Башней?

– Конечно.

– Значит, ты сможешь защитить и меня. Только на этот раз нужно придать стабилизованным тобой структурам дополнительные свойства. Можешь, например, представить себе зеркало, которое отражает любую, направленную на него энергетику, в том числе и эманации *мыслей* ?

– Обратный удар? – Мгновенно догадалась Лана.

– Да. Мне нужен энергетический щит, обладающий свойством обратного удара. Уверен, у тебя получится.

– Хорошо. Допустим, я смогла создать такую защиту… – Лана смотрела на меня с тревогой и сомнением. – И что дальше?

– Я отправлюсь на Скалу. Пусть он увидит меня. Выманим зверя из его логова. Пусть окажется на нейтральной территории. Он не станет меня уничтожать *немедленно* , – ему, как воздух, нужна информация, но любая попытка воздействия на меня причинит вред, прежде всего, ему самому. Пусть змея подавиться своим ядом.

– А я?

– Ты должна проявить выдержку. Пусть враг покажет, на что он способен *теперь*. И только соизмерив силы, ты нанесешь удар.

Мой план действительно попахивал безумием, но был ли у нас какой-то иной выбор?

Думаю, нет.

* * *

Бездна со всех сторон окружает Скалу.

Я стоял на каменистой площадке, подле небольшой ложбины, в которой росли мох и трава.

Чувствуя привычный вес доспехов, я не воображал себя рыцарем, я *был им* , словно время повернулось вспять, и моя душа встрепенулась, вбирая знакомые ощущения.

Я ждал.

Не вонзая меч, машинально взял его за основание клинка, и рукоять

ярко вспыхнула на фоне чернильного мрака.

Крест.

Мои губы беззвучно шевелились, в то время как вокруг внезапно начали происходить *перемены.*

Тьма расслоилась.

Я закончил читать короткую молитву и взял меч за рукоять.

Жаль, что рядом со мной не было Самуэля.

Было ли мне страшно?

Да. Только глупец не испытывает страха.

Мрак впереди продолжал расслаиваться, но не редеть, я видел, как из Бездны на одинокую Скалу надвигаются пласты чего-то темного, вязкого, пока мои глаза не начали различать на общем фоне образующие его фигуры.

Десятки тысяч, если не миллионы отвратительных крылатых тварей неслись к Скале, формируя плотные слои мрака.

Я смотрел на надвигающуюся тьму и вдруг…

Боковым зрением я уловил, как справа от меня в неимоверной дали, выстроившись в одну линию, сверкают двенадцать точек чистого, яркого серебра.

Расстояние не позволяло различить кто это, но я понял, – они пришли и наблюдают за происходящим.

В следующий миг мое внимание отвлекли первые из чудовищных созданий, что бросились на меня, издавая яростное шипение вперемешку с отвратительным клекотом.

Я не успел пустить оружие в ход, – внезапно передовая тварь вспыхнула, будто чадящий факел, истекающий зловонным дымом.

Щит.

Он подействовал!

Неисчислимые орды приближались, но они уже не казались однородной массой, – то и дело среди стремящихся к скале тварей вдруг возникали оранжевые вспышки, знаменуя гибель тех, кто направлял на меня свой пронзительный, заряженный проклятьем взгляд.

Я приготовился к тому, что сейчас это сонмище окружит меня, но они не торопились, будто ждали…

Он появился спустя несколько секунд, просто материализовавшись напротив.

Среднего роста, с неброскими, невыразительными чертами лица, на котором выделялись только глаза, горящие, ненавидящие, пытающиеся ожечь меня…

Сущность на его шее зашевелилась, змеиные головы разомкнулись и начали приподниматься.

– Откуда ты взялся, *рыцарь* ? – Последнее слово он произнес с явной издевкой в голосе.

– Твое ли это дело? – Во мне клокотала ярость, но приходилось сдерживать ее порывы.

– Мое! – Он впился в меня своим взглядом, золотая змея изогнулась, приближая ко мне две истекающие ядом пасти. – Не пытайся даже шевельнуться, иначе просто раздавлю тебя… – Его слова походили на шипение.

– Попробуй. – Я ответил с тем же яростным спокойствием, как отвечал в свое время Клементию.

Он инстинктивно подался ко мне, выкрикивая угрозы, и в этот миг тело двуглавой змеи странно изогнулось, обе пасти отпрянули от моего лица, и золотая цепь вдруг начала обвиваться вокруг горла своего хозяина!..

Он получал обратно все, что предназначалось мне!..

* * *

Лана находилась в Тоннеле, у огромного хрустального шара.

Внутри прозрачной сферы была отчетливо видна Скала и одинокая фигурка на ней.

Внутри все рвалось на клочки от беспокойства и боли.

Она не знала, как в эти роковые минуты помочь Андрею, мысль о том, что они поступают правильно, не утешала, не успокаивала, а лишь усиливала гложущую душу тревогу.

Враг.. Он сейчас появиться там, на Скале.

Губы Ланы внезапно шевельнулись.

Горячий, обжигающий сердце шепот исходил от самой души:

Великий Создатель всего сущего, я знаю, ты есть, я прошу у тебя права на ВОЗМЕЗДИЕ!..

Лана шептала эти слова, не отрывая взгляд от формирующейся в шаре картины, и вдруг…

На фоне тьмы ярким, чистым серебряным светом засияли двенадцать похожих на звезды точек.

В следующий миг рядом с Андреем что-то вспыхнуло, а затем на скале появился ОН.

Враг.

Не было никаких сил, чтобы придерживаться заранее намеченного плана, соблюдать договоренности, – Лана всем своим существом рванулась

туда, не замечая, как резко трансформировались ее черты, словно она стала старше, выше, и обычная одежда вдруг изменилась, превращаясь в вышитое серебром, плотно облегающее фигуру платье.

Нет, она не могла видеть себя со стороны. Все силы, стремления сосредоточились в одном безудержном порыве:

Перед ней был враг.

* * *

Он не сразу ощутил, как собственная сущность начала сжиматься на его горле, а когда понял это, то смог лишь взмахнуть руками, призывая замедлившие свой полет полчища.

Поздно.

Он захрипел, упав на колени, и в этот миг расслоившаяся, похожая на пласты грозовых туч тьма пришла в движение: казалось, она сейчас сомнет не только меня, но и саму скалу.

Миг запредельного, нечеловеческого напряжения.

Миг, когда начинаешь понимать, что земная жизнь лишь долгая подготовка души и разума к принятию иной данности.

Над моей головой со свистящим шелестом пронеслась сущность Nebel *а*, и я увидел, как возродившийся Хранитель, вращаясь, врубился в темную массу, рассекая мрак…

Сбоку возникло движение, и я оглянулся.

В первую секунду меня пронзила дрожь, я подумал, что вижу Самуэля… но нет, это была Лана, но как она изменилась, словно на знакомые родные черты наложился облик еще одной женщины… *Вильгельмины* .

В ее руке сиял необычный клинок, я не смог запомнить и рассмотреть его формы, да и не в этом суть – сделав шаг вперед, Лана наклонилась к Врагу и, резко приподняв его голову за подбородок, взглянула в глаза.

– *Узнаешь меня, тварь?!*

Он узнал. Узнал и в последний миг его глаза отразили ужас *узнавания* .

Он хотел что-то сказать, но из горла, которое все сильнее сдавливала змея, вырвался лишь нечленораздельный хрип.

Взмах клинка полыхнул ослепительным росчерком, и его голова покатилась прочь.

Я, не в силах произнести ни слова, поднял взгляд.

В бездонной черноте, среди расслоившегося мрака, казалось, рдеет неописуемый, величественный закат.

Оранжевое сияние разлилось меж удушливых пластов. Теперь твари сгорали уже сотнями…

Они получали обратно свою ненависть.

Я не забуду этого никогда.

Все ярче разгоралась невиданная заря, на фоне которой сияли двенадцать серебряных точек.

Рука Ланы коснулась моей руки.

Я знал, что в эту минуту объединились две души – ее и Вильгельмины.